

Как сказки попали в книжку

Белое море приходит и уходит. Отступая, оставляет на песке мелкие розовые ракушки и покрупнее - бороздчатые, с пёстрым рисунком. Иногда - винно-красных медуз. Умирая, медузы теряют цвет, бледнеют, становятся прозрачными, как студень, и медленно высыхают на песке. Вода чуть шевелит побуревшие оторванные листья морской капусты, колышет старые поплавки, перекачивает тяжёлые брёвна, занесённые штормом с той стороны моря, из Архангельска. Брёвна медленно затягивает песком...

Коротко северное лето. Вот уже грозно ревет море, ветер срывает с волн сердитые гребни. Короче стали дни, темнее ночи. Падает снег. Белое море становится чёрным. Чуть проглянет обмороженное красное солнце, прокатится по самому краю воды - и опять долгие ночи темны. Во тьме с гулом накатываются волны на прибрежный камень, обрастающий толстым льдом.

Шумит море, катит и катит волны на белый заснеженный берег.

По берегу изредка, километра через три-четыре, стоят небольшие избышки - тони. Около избышки ледник, сарай, несколько бочек и чанов для рыбы, ржавые якоря да вешала - шесты для сушки сетей. Если видишь издали: сети на вешалах и дымок курится над избышкой - значит, здесь рыбаки, промышляют.

Можешь зайти. Тебя обязательно накормят рыбой, напоят чаем. Народ здесь гостеприимный - поискать такого... Можно и на лодке с рыбаками съездить поглядеть, как сёмгу достают. Сети недалеко от берега. Лодку кидает волной - только держись за борта. Рыбаки в резиновых сапогах до пояса: один на вёслах, а другой руками перебирает сеть от поплавок к поплавку, добирается до ловушки. Вода забурлит от крупной рыбы! Сёмга! Большая, тёмно-синяя со спины, серебряная с брюха - красивая рыба. Дорогая. Сёмгой и жил этот край много веков...

Редко стоят сёла на холодном берегу. Двадцать, тридцать, а то и все

пятьдесят километров одно от другого. Живут в этих сёлах потомки древних новгородцев - поморы. Иные сёла насчитывают и триста, и четыреста, и шестьсот лет. А берег этот называется Терским.

Терский берег Белого моря...

В местном говоре, в песнях, в обычаях, в одеждах старых женщин - во многом ещё видится и слышится далёкое новгородское время, славная пора этого великого северного города, стоявшего на рубеже Русской земли...

Смутны древние предания, забывается история. Помнят люди деда, прадеда, иногда - прапрадеда, а раньше - что там было? Но живы до сих пор в памяти песни да сказки, такие старинные, что и не знает никто, сколько им веков.

Долги осенние ночи на промысле... Это теперь на тонях и радио есть, и журналы, а тогда, в старое время, ничего не было. А выезжали целыми семьями, жили, ловили рыбу. Мужчины ловят, а женщины варят, да стряпают, да чинят, да шьют. Дети тут же. Вот и сказывали вечерами сказки. Иные сказки длинные были - на два, на три вечера хватало... И уж хорошего сказителя на Терском берегу высоко ценили.

Дожили сказители и до наших дней.

Вот сижу я в селе Кузомень, записываю сказки. Елизавета Ивановна Сидорова - лучшая местная сказочница. Ей уже под семьдесят, немало лет прожито. Елизавета Ивановна садится напротив меня за стол, она в будничном тёмно-синем сарафане. Щурится, поглаживает клеёнку сморщенной, чуть дрожащей старческой рукой. Начинает рассказывать... Сказки свои она помнит твёрдо, хоть и пожаловалась сначала, что много теперь забыла. «Раньше-то я про Илью Муромца сказку знала да про Бову - много... Теперь и не упомяну...»

Помолчав, вспомнила: «Бабушка моя кузнецка была родом (из села Кузнецка) да така памятна! Так я от неё научилась...»

И началось очарование сказки.

«...Вот другая ночь приходит. Этот молодец выходит на крыльцо,

покатился клубком, выкатился в чисто поле, рассыпался в триста три травинки, постоял, подумал: «Тут мне не место, тут меня царь найдёт!» Собрался из травы в клубок, из клубка в голубя, взлетел на сушину, посидел, подумал: «Тут мне не место, не местышко, тут меня царь найдет!» Взлетел на небо, рассыпался в триста три звезды и тут ночь простоял...»

Сказка течёт и течёт. Рассказав, Елизавета Ивановна прибавляет: «Ну, будет на сегодня, устала. Сколько бумаги-то исписал, покажи?» И улыбается добрым морщинистым лицом.

Сказку Елизавета Ивановна чувствует удивительно живо. Подчас, отвлекаясь, поясняет какое-нибудь сказочное событие примерами из своей жизни и воспоминаний терчан. «Раньше жительство-то было мало»,— замечает рассказчица, описывая пустынное сказочное царство. Ездят сказочные герои по морю в Архангельск, ходят на охоту. А может, это и не сказка вовсе, а Терский берег в старину? Пустыня... леса... звери... а пройди через лес - выйдешь к селению, к морю, а там и корабли, и большие города за морем, и дальние страны...

Сказки сказывала мне Елизавета Ивановна в 1957 году. Ещё раз встретился я с нею через несколько лет. Она уже и ходила с трудом, всё придерживалась за перила, за огороду. Она совсем высохла, но память сохранила. Сохранила и трогательный живой интерес к окружающему. Записал я от неё две новые сказки, которые она рассказывала так же неспешно, обстоятельно.

После Кузомени я попал в Варзугу, самое старое и самое красивое село Терского берега. Стоит оно на берегу реки Варзуги, в стороне от моря, окруженное лесами. С горы видишь разлив реки, в которой отражаются облака, и островерхую шатровую рубленую церковь на высоком речном обрыве. Церковь сейчас превращена в музей. Смотришь на неё - и трудно понять, как сумели мужики, почти триста лет назад, в этом дальнем краю создать такую совершенную, устремлённую ввысь красоту...

Варзужанки во всех сёлах берега известны как лучшие песельницы.

Самые весёлые праздники, самые пышные свадьбы - в Варзуге. Местный хор старинной песни успешно выступал на Всесоюзном смотре художественной самодеятельности и получил широкую известность.

Сказок в Варзуге помнят много. И записывать пришлось от многих. Но больше других запомнилась мне встреча с Евдокией Дмитриевной Коневой - «Овдотьей Митриевной», как зовут её варзужане. Знала она множество песен и эпических «стихов». Сказки она рассказывала уже в заключение своего обширного репертуара.

Разыскав нужный дом, я поднялся на высокое крылечко и, постучавшись, вошел в горницу. Небольшая темноволосая женщина читала, сидя за столом. Сарафан и парчовая «головка» выглядели на ней как костюм дворянки прошлого столетия. Она отложила книгу. Потом, поколебавшись, прикрыла окошко. «А то как-то стыдно... не по возрасту, скажут, запела...»

Она села за прялку и стала петь один за другим старинные «стихи». Пела она превосходно и лишь иногда прерывалась: «Заулавала, говорить придётся». Сказывается возраст.

Отец Евдокии Дмитриевны был столяром. Семья ещё до революции выписывала газеты с литературным приложением, которое сохраняли. Сама Евдокия Дмитриевна с детства была очень восприимчива к искусству. Сказки у неё особенно хороши маленькие, комические, про зверей, и рассказывала она их «на голоса», очень живо, выразительно, интересно.

Тут я хочу сказать про одну особенность сказки. Одно дело - читать её по книжке, читать про себя. Другое - слушать в живом рассказе. Когда читают про себя - пропадает выразительность устного слова и обаятельность живой речи. Детям сказки надо не просто читать, а рассказывать. Для воспитания чувства родного языка это имеет первостепенное значение.

Относительно диалектных особенностей (особенностей произношения) - частично, кроме «цоканья», - сохранённых в тексте, хочу сказать следующее. Употребляются они непоследовательно: у одной и той же рассказчицы может прозвучать и «опять» и «опеть». Легко бы принять это за

знак разрушения говора и «исправить» в ту или иную сторону. Однако такая же непоследовательность отмечается по всему Русскому Северу и, более того, даже в берестяных грамотах XIII-XV веков, так что я предпочёл её сохранить как постоянную особенность северной речи.

Мне пришлось много раз бывать на Терском берегу Белого моря. Сотни песен, сказок и былин записано там. В этом сборнике лишь малая часть того, что было собрано.

Д. Балашов